

СЕРГЕЙ ЛЕЙБГРАД БЕССОНИЦА

Массовая культура, разуверившись в своих публичных возможностях воздействовать на сознание, ведет себя как опытная интриганка и сплочница. То есть шантажирует подсознание, и без того воспаленное и неуравновешенное...

Уже под утро мне приснился вампир. Модернист и неженка. С лицом ласкового извращенца. Очень похожий на Оскара Уайльда.

Он стоял надо мной и молчал. Все время молчал. Как будто крови в рот набрал...

Пошлость. Пошлость. Пошлость. Пошлость. Пошлость. Пошлость. Больше никаких каналов на моем телевизоре нет. Начинаю мучать пульт дистанционного управления по второму кругу. Смотрю и содрогаюсь. Содрогаюсь и смотрю. Лицемер...

Разрешите, не дышите, мимо вас сейчас сойти с ума...

Боже ты мой. А мой ли ты Боже? Нет все-таки как нехорошо чувствовать (а точнее было бы сказать не чувствовать) такое глубокое, такое абсолютное безразличие к родственникам, женам и детям, папам и мамам, братьям и сестрам и вообще к людям...

От слов "честность", "искренность", "порядочность", "гениальность", "милосердие", "подлость", "родина", "поэзия" меня подташнивает. Значит, они еще не окончательно потеряли для меня свой смысл...

Я, я, я, я, я? Я! Презираю, жалею. Вступаю в странные взаимоотношения. Требую соответствия. Ненавижу и люблю. Люблю и ненавижу. Прямо инцест какой-то...

Худосочный мальчик с розовой проплешиной на затылке. Иисусик. Млеющий от первого обнадеживающего взгляда. Ищущий подтверждения своего существования в нелепых газетах, журнальчиках и разговорах. Уверенный в том, что красивых женщин на свете не бывает. Красота вообще такая жалкая и неубедительная категория... А подлинность? А нелепое, реагирующее на малейший воздушный трепет тело, которое ничего кроме любви просто не знает?.. А способность создавать из слов какую-то преступную реальность, от которой становится страшно и больно прежде всего самому себе?!

- Товарищ, а нельзя ли потише?
- Не знаю, я еще не пробовал...

Михаил Айзенберг любит радикальных и принципиально искренних поэтов. Всеволода Некрасова, Сергея Гандлевского... Он сегодня единственный критик-непрофессионал. То есть не карьерист. То есть любитель. Большой. Озабоченный. В самом высоком и бытовом смысле этих слов. Он дрожащей рукой стирает холодный пот со своего рельефного благородного лба. Ф-фу... Слава Богу, что концептуалисты уже сделали свое великое грязное дело. И освободили его от крайних, но необходимых поступков. Поступки не его дело, если совесть позволит. Его дело - переживание. Он переживает время, и потому всегда опережает его. Поэт Михаил Айзенберг бежит от любой художественной позы. И от нехудожественной тоже. От любой. Стыдно быть "серьезным" поэтом, стыдно быть авангардистом, стыдно быть концептуалистом, стыдно быть постмодернистом, стыдно писать верлибром, стыдно впадать в сентиментальность, стыдно быть культурным, все стыдно. Стыдно быть даже Всеволодом Некрасовым. Пожалуй, если уж писать, если уж нельзя не писать, то как-нибудь почти традиционно, почти архаически, тихонечко без эффектов и аффектов соскальзывая в ритмическую свободу, в песенно-джазовое пение одними губами, в минималистскую застенчивую немоту, раскачивающуюся на качелях ритма посредством одного лишь дыхания. А кто ты такой, чтобы быть? Чтобы присутствовать? Чтобы влиять?..

Вялость - вот она естественность. Бормотание как самоговорение. Событий нет, нет никаких событий. Слышите! Ничего со мною не станется! И это того не стоит. И то. Могло быть, да не было. Ничего я не хочу. Нет, хочу. Хочу не хотеть. Такая плотная, беспокойная, непрерывная, предельно насыщенная и трудно передаваемая бессобытийность. Бессобытийность как одно непрерывное безжалостное событие. Отсюда прозрачность языка. Прозрачность отсутствия. Я не имею права. И неимение права - замучившая его проблема. Неимения права как Эдипов комплекс... И конформизм, конформизм. В смысле незлобивость и немстительность. Кто уж тут виноват? Я уж тут виноват. Да разве я обижу, если я не умею. Может и хочу, но не умею. Боюсь, а что? Боюсь! Так что живите, как знаете...

Каким-то образом уцелела только биография. Стертая, невыразительная, но - биография. И язык - биография, и вещи, и растения, и страна, родина, держава - биография. Извините, что я вами говорю. Вами как словами. Словами как вами...

Но как блаженна эта сиротская безысходность, это смирение, что паче гордыни. Блаженнее только самоубийство. Но это уже снова поза... Хочется быть дураком. Приблизиться к языку и миру столь плотно, что останется сделать только шаг в открытое пространство. Так что бы уже не было времени и расстояния свернуть или придумать причину, чтобы ретироваться в обратном направлении. Увы. Воспитание не позволяет. Родительские гены. Вестибулярный аппарат. Зачем кривить душой. Она и

так кривая. Самое глупое, что возможно - это вдруг запеть мещанский бесшабашно застенчивый романс с такими фольклорно-старушечьими приговорками, а потом интеллигентно замолчать, поправить запотевшие очки и захихикать, смахивая слезы с морщинистых мешочков под глазами. Простите. Видимо, аллергия... "Я" все равно неизбежно. И тоска неизбежна. И болеть не переболеть. И не сделав ни одного парадного шага, не сказав ни одной многозначительной и полезной для пошлых мирских дел фразы, остаться поэтом. Взаправдошным лирическим поэтом. Потому что ни для чего и ни для кого, а проклятой человеческой природы ради...

Нет ничего хуже, чем жить в провинции. Особенно в России. Особенно в Самаре. Особенно, если ты - Сергей Лейбград. Но и ничего лучше нет.

Душа гордится своим бессмертием. До первого хулигана в подворотне...

Преподавать современную литературу. Честно преподавать современную литературу. Антиспартанская утопия: оставляешь всех непригодных для нормальной жизни, всех здоровых - отсеиваешь...

Любители литературных и культурологических прогнозов заигрывают сами с собой. То они предрекают наступление эпохи Большого стиля, то в двести пятнадцатый раз хоронят искусство как личность. То загадочно улыбаясь и благовоспитанно отрывая в платок, артистически взволнованным тоном говорят о кризисе литературы, образования и культуры, о полной исчерпанности гуманистической энергии и смерти "смерти искусства", то есть постмодернизма - не оправдавшего надежд на социальное спасение профессионального слоя скрипторов и популяризаторов с каким ни каким, но классическим образованием. Ай-яй-яй. Границы не стерлись. Элитарный постмодернизм не стал массовой утехой. Но остался искусством. Авторским. Индивидуальным. Реальным. Приняв невероятно завышенную дозу снотворного, пациент выжил. Просидев полжизни перед компьютером, он остался человеком. Отрекшись от всего "слишком человеческого", он требует свободы слова, совести и элементарного порядка на дорогах. После Освенцима он снова научился говорить. И его снова не понимают.

Массовая культура. Как социалистическая культура. Капитуляция перед "НОВЫМ ВРЕМЕНЕМ" и "НОВОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ" слишком похожа на поведение "русских интеллигентов" кающихся перед пролетариатом. Ненужность конкретных людей (ненужность массам) выдается за ГЛОБАЛЬНУЮ СМЕНУ ВЕХ. НО МАССКУЛЬТ - ДРЯНЬ. ПОПРОБУЙТЕ НА ВКУС - ДРЯНЬ. (Я же вижу, что сочинитель и постановщик или авантюрист, или бездарь, и что мне до масс? - СЧИТАЮЩИХ ЕГО УМНИЦЕЙ И МАСТЕРОМ). ПРОТИВНО. ПОДЛОЖНО. БЕЗЪЯЗЫКО. И ВСЕ...

...Не тотальная "постфольклорная, демократическая и массовая", не "антигуманная здоровая мифология", не "самый Большой в мире стиль"... В искусство приходит НОВЫЙ ЛИРИЗМ. Свободный от пафоса. УЖЕ НИКОМУ НИ ДЛЯ ЧЕГО НЕ НУЖНЫЙ. НИЧЕГО НЕ ГАРАНТИРУЮЩИЙ АВТОРУ. ЕГО СВОБОДНЫЙ НЕИЗБЕЖНЫЙ ВЫБОР. Скомпрометированное СЛОВО скомпрометировано. Пространство освобождено для ПОСТЫДНОГО ЛИРИЧЕСКОГО САМОВЫРАЖЕНИЯ, БИОГРАФИЧЕСКОГО И БИОМЕТАФОРИЧЕСКОГО... СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК - ТЕАТРАЛЬНЫЙ, ФАЛЬШИВЫЙ И ПСЕВДОЛИРИЧЕСКИЙ ВЕК. ЕГО ПОДЛИННОЕ ЛИЦО - НАГУДРЕННОЕ ЛИЦО ЭМИГРАНТСКОЙ ПОЭЗИИ...

...Никуда ОТ ПЕРСПЕКТИВЫ СМЕРТИ И СОВЕСТИ НЕ ДЕТЬСЯ, ДАЖЕ ОБЪЯВЛЯЯ ЕЕ (перспективу) ФАКТОМ СЛУЧИВШИМСЯ. Да. Жестокое грустное разделение на массовое: ВНЕШНЕЕ, ПРИКЛАДНОЕ, РИТУАЛЬНОЕ И НА ТО, что называется художественным, личным, бескомпромиссным и ТРЕЗВЫМ. ЯЗЫКОМ ВРЕМЕНИ, а не временным языком... СЕЙЧАС САМОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ИСКУССТВА, ВСЕ РАВНО ПОМНЯЩЕГО - ЧТО БЫЛО ДО НЕГО... Быть проще самого себя, своего языка - НЕВОЗМОЖНО. Художник адекватен самому себе и миру, а не вкусам и требованиям комфортного существования (даже внутри себя самого)... НИКУДА НЕ ДЕНЕТСЯ (постмодернистская) ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ. Не будет искусство и комфорт одним и тем же. КОМПЬЮТЕРЫ И К, НАПУГАВ ИСКУССТВО, ПОСЛЕ ПЕРВОГО ИМПУЛЬСА, УТВЕРДИВШИЕСЯ, УЙДУТ В ТЕХНОЛОГИЮ И ВСТАНУТ В ОДИН РЯД С УНИТАЗАМИ И КОНДИЦИОНЕРАМИ... Не пугает же нас обилие графоманов, почему же должны пугать типы с "кодаками", видеокамерами и компьютерами, ТВОРЯЩИЕ ЗАУРЯДНУЮ ВИРТУАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ...

...Искусство чувствительно к технологическим мутациям. Технологическим мутантам искусство неинтересно

Легкая, загоревшая, отдохнувшая женщина похожа на хорошо приготовленное блюдо.

ВМЕСТО ЭПИТАФИИ.
Триста тридцать семь человек читают газету "Цирк "Олимп".
Он жил не зря.